

Разговор о сущем

О Вселенной, социальной ризоме и принципе справедливости.

Беседа с профессором В. Розиным о философском самоопределении

Аннотация: Общий кризис философии и новые вызовы, с которыми сталкивается философия техники; Интернет как социально-техническое тело и специфика современного эсхатологического переживания на фоне предлагаемых естественными науками прогнозов эволюции мегамира; трансформации социальной реальности в эпоху перехода от одной цивилизации к другой – на примере современных споров о социальной справедливости и концепции социальных заговоров. Эти и другие вопросы обсудила с известным философом, методологом и культурологом Вадимом Розиным главный редактор нашего журнала Надежда Багдасарьян.

Надежда Багдасарьян (далее Н.Б.). Вадим Маркович, добрый день. Мы с вами знакомы очень давно. Как Вы хотите, чтобы я вас представила читателям? Философ, методолог, культуролог или как-то еще? Диапазон Ваших работ таков, что мы можем вести разговор в любом ракурсе.

Вадим Розин (В.Р.). Ну, давайте попробуем остановиться на методологическом и культурологическом контексте современности. Из предварительного общения я понял, Вы хотите, чтобы я рассказал о том, каким образом вижу современную жизнь, причем именно как философ. Но давайте условимся: я буду говорить о том, что переживаю сам, а не о том, что думают другие философы, или что в философии считается.

Н.Б. Замечательно. Начнем с Вашего самоопределения. Вопрос у меня такой. Не кажется ли вам, что современная философия исчерпала актуальные темы, занимавшие человека в прошлые столетия, а новые её, как бы, и не интересуют, и поэтому значение философии в современном мире снизилось?

В.Р. Не думаю. Вот, например, тема осмысления современной техники. Еще в начале прошлого века сложилось целое направление – «Философия техники», значение которого постоянно возрастает. Не могу не вспомнить в связи с этим одно высказывание американского философа техники Х. Сколимовски, который писал: «Философы нашего времени, включая имеющих отношение к философии техники, еще не осознали, что преобразующая сила феномена техники порождает беспрецедентные онтологические проблемы. Мы вновь вынуждены отвечать на извечный вопрос: что такое реальность?.. Метаморфозы реальности посредством техники ставят нас перед тем же самым вопросом, который преследовал Платона (и всех философов с тех пор): что есть реальность? Адекватный ответ на этот вопрос не может быть получен посредством перетасовки старых онтологических категорий. Те, кто жалуются, что философия закончилась, поскольку нет более новых задач для рефлексии, просто игнорируют новые реалии – человеческие и онтологические – созданные благодаря современным науке и технике»¹.

Н.Б. Насколько я знаю, философы техники больше обсуждают классическую технику, хотя человечество в настоящее время имеет дело с высокими технологиями, мобильной связью и Интернетом. Не получается, что современная техника им не по зубам?

В.Р. Ну, почему же, вполне можем откусить лакомый кусочек. Вот, например, у меня только что вышла книга, где в том числе обсуждается Интернет и мобильная связь². Что меня удивило в этих технологиях? Как только я включил свой мобильник или Интернет, тотчас же мои координаты и многие другие данные (паспортные, некоторые счета, различные сведения о нашей жизни) стали известны. В каких сетях и кому точно известны – сказать трудно: может быть, нашей или американской разведке, может быть, каким-то государственным центром, отслеживающим

¹ Сколимовски Х. «Новая социальная философия как оценка техники». Цит. по книге Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М., 2002.

² Розин В.М. Конституирование и природа индивидуализации. М., 2014.

потенциальных террористов, может быть, сетевым магазинам, которые составляют наш портрет потребителя (в Японии это уже обычная практика), может быть, еще кому-нибудь. Причем наши координаты нахождения скоро можно будет определить с точностью до одного метра.

Н.Б. Да уже сегодня это не проблема. Например, у меня есть приложение в мобильном телефоне для парковки, и когда я его включаю, моя машина светится зеленой точкой с номером парковочного места.

В.Р. Вот-вот. Все чаще мы становимся жертвами электронного насилия. Два года тому назад моя почта в эмейл была взломана и уничтожена, поскольку я отказался дать неизвестным посетителям номер своего мобильного. И таких случаев очень много. Еще больше случаев электронного вымогательства, особенно в отношении пенсионеров, плохо разбирающихся в современной технике, когда снимают деньги со счетов под видом вымышленной помощи.

Н.Б. И это я могу подтвердить личным примером. Получив сообщение «мама, не звони мне по телефону, я его потеряла, кинь 500 рублей на этот номер», я, как последняя курица, тут же отправила на указанный номер деньги. И только потом стала думать: с какой стати новый номер не МТС, к которому мы давно привыкли, а Билайн? Потом написала СМС дочери, которая тут же мне ответила. Я посмеялась над собой, и нашла оправдание только в том, что находилась в тот момент за границей. А недавно услышала, что этот бизнес распространен в основном в местах, не столь отдаленных. Ну, может, кто-то на мои 500 рублей действительно поговорил с мамой. Мне, по крайней мере, хотелось бы так думать.

В.Р. Ну вот, а еще профессор. Нередко борьба с вирусами заканчивается поражением пользователя: его компьютер полностью выходит из строя или требует дорогого ремонта, или исчезает так нужная пользователю информация. В плане же государственных институтов многие вирусы демонстрируют просто чудеса эффективности. Например, как сообщалось в печати, израильские ученые разработали и запустили в иранские сети такие вирусы, которые не только передавали Моссад нужные сведения, но и разрушили ключевые программы, использовавшиеся в иранском ядерном проекте, отбросив его разработку на несколько лет.

И, судя по ряду исследований, вирусная зараза будет только возрастать. Если на заре Интернета в сетях ходили несколько сот опасных вирусов, то сегодня их тысячи. За день слабо защищенные сайты, а их, вероятно, большинство, посещают примерно 80000 различных программ и вирусов. Они ищут слабые места в программах пользователей, чтобы внедриться в них с целью получения нужной информации или разрушения. Одни из этих «электронных паразитов» создавались профессиональными хакерами, другие просто любителями, третьи вообще уже давно бесхозные, подобно отслужившим и брошенным спутникам в околоземном пространстве.

Н.Б. Но в этом нет ничего особенного. Не надо, Вадим Маркович, пугаться, всегда новая техника влечет за собой негативные и незапланированные последствия. Вы сами об этом писали. Постепенно люди учатся с ними справляться, так сказать, минимизировать их.

В.Р. Но не столкнулись ли мы здесь с совершенно новым феноменом? Похоже, что Интернет – это не просто сложная техническая система, что достаточно очевидно, но и своеобразный живой организм. На эту мысль наводят размышления над некоторыми вообще-то известными моментами. Обратим внимание на феномен пакетной передачи информации, хранение информации в облаке, посещение сайтов тысячами программ и вирусов, о чем мы говорили выше, нарастание количества и сложности паразитических вирусов и параллельно выстраивание против них все более мощной защиты. Принцип работы сетей, использующих пакетный режим, как известно, примерно таков. Сформированный пакет «находит» свободный канал и поступает в сеть. Система, на основе специальных кодов, программ и алгоритмов, опознает пакет и направляет его адресату. Интересно, что при разработке подобных кодов, программ и алгоритмов использованы различные биологические и психологические аналогии.

В некотором отношении пакет можно уподобить живому организму, а Интернет – сложной среде-организму с колоссальным множеством подобных пакетных организмов, своего рода рукотворный Солярис. Но хранение информации в облаке тоже предполагает пакетную передачу. В отличие от модели хранения данных на всем известных серверах, облачное хранилище данных клиенту, в общем случае, не видно. Информация хранится и обрабатывается в так называемом облаке, которое представляет собой, с точки зрения клиента, один большой

виртуальный сервер. Физически же такие серверы могут располагаться удалённо друг от друга географически, вплоть до расположения на разных континентах.

Еще более очевидна витальная сущность Интернета, если посмотреть на него с точки зрения устройства и жизни программ и особенно вирусов. Программы, подобно живым организмам, должны воспроизводиться (это особенно понимаешь, когда почему-либо твои программы перестают работать), у них есть своеобразный цикл жизни – от записи до момента удаления, они питаются (электричеством), в форме вирусов (или антивирусов) могут размножаться и «поедать» другие программы, могут сканировать другие программы и передавать о них информацию, имеют свои ниши, перемещаются по сетям. В Интернете, как мы знаем, идет настоящая война живых электронных организмов: одни ищут слабые места в других программах и поедают (разрушают) их, другие защищают свою территорию от этих «электронных хищников», причем ясно, что окончательная победа одной из сторон в этой войне Интернету не грозит.

Короче, я в этой книге стараюсь показать, что Интернет является планетарным социально-техническим телом, позволяющим людям в ситуации современного кризиса и перехода сохранять и возобновлять социальную и политическую жизнь. Ведь именно в Интернете мы можем продолжать действовать, общаться, бороться, предлагать решения, совершать поступки, несмотря на крах и паралич основных социальных норм и регулятивов (права, морали, нравственности, авторитета и прочее). Это тело достаточно парадоксальное: и сложная техническая система, и среда нашего обитания, и живой организм.

Н.Б. Ладно, оставим технику в покое. Лучше рассмотрим точные науки, которые позволяют нам создавать и эту самую технику и, как писал Макс Вебер, расколдовывать мир. Разве естествознание не делает это лучше философии?

В.Р. Согласен, точные науки, конкурируя сегодня с философией в объяснении мира, представляют для последней вызов. Но, «расколдовывая» мир, они одновременно вовлекают нас в мрачную перспективу. Например, наше будущее становится просто страшным. Эта мысль возникла у меня, когда я смотрел по ТВ серию прекрасных фильмов о происхождении планет, галактик, эволюции Вселенной. Передачи завораживали, но одновременно что-то тревожило. Что именно, я сразу понять не мог. Потом сообразил: творцы фильмов, опираясь на современные астрономические исследования, рисовали будущее, где или человеку места не было вообще, или же его ожидала печальная судьба.

Человечество может погибнуть в любой момент по самым разным причинам: или Земля столкнется с другим небесным телом (кометой, гигантским астероидом), или в силу внутреннего движения магмы она лишится магнитного поля, или это поле будет уничтожено вспышкой сверхновой звезды. Как утверждают авторы передачи, одна из ближайших к нам звезд вот-вот взорвется и станет сверхновой, и гигантские потоки ее излучений помчатся прямо к нашей планете. Существуют и другие сценарии гибели Земли и человечества в результате естественной эволюции Вселенной. Например (правда очень отдаленный во времени), метаморфоз при разбегании галактик, или, наоборот, схлопывание их в сверхплотное фантастически малое ядро. Причем, все это не фантазии, а расчеты, основанные на астрономических наблюдениях и законах природы. Им вроде бы нельзя не верить, и, в результате возникает тревога и, так называемые, эсхатологические переживания.

Н.Г. Но причем здесь естествознание? Такова реальность природы. Кроме того, будем отличать гипотезы от реальности. Не всякой гипотезе нужно верить.

В.Р. Почему современный человек не должен верить астрономам, которые изучают планеты, галактики и Вселенную, используя самую современную технику (телескопы, спутники, разнообразные приборы), созданную на основе законов природы? И характеристики космоса они выявляют в рамках этих законов, с помощью математики, компьютеров, данных естественных наук. При этом астрономы удостоверяют нас в таком будущем, где человечество каждый час может ожидать катастрофа и конец света. Кажется, альтернативы такому будущему нет. Поясню, при чем здесь естествознание.

Много тысячелетий человек считал, что Вселенная – это не физический мир, а или боги (солнце, луна, звезды – все это были боги) или, как в средние века, мир, созданный для человека Богом. Вселенная, действительно, была повернута к человеку. Проблема возникла лишь в новое

время, когда вера и разум были разведены по разным инстанциям, а Вселенная была истолкована в духе естественных наук, то есть как физическая реальность. Вот здесь и оказалось, как писал Паскаль, что человек – это жалкий тростник, его место во Вселенной непонятно и ничтожно. С точки зрения такой Вселенной, смысла существования человека нет.

С подачи Ф. Бэкона и Галилея природа стала пониматься как «стесненная искусством» (в эксперименте и механизме). Все в природе, до чего человек мог дотянуться, он превращал в технику. Сегодня в том же духе он хочет освоить солнечную систему. Правда, до Вселенной ему не дотянуться. Кажется, построим космические корабли, полетим, изучим все её уголки. Но ведь это только наши замыслы – чистое умозрение. Сегодня, да и в отдаленной перспективе человек никуда не полетит, он даже не знает, возможно ли это в принципе. Вполне можно согласиться с Ханой Арендт, которая пишет, что «в наших планах ныне не больше чем обследовать непосредственно окружающую часть Вселенной, ту бесконечно малую область, какой человечество только и может достичь, перемещаясь оно хоть со скоростью света. Учитывая продолжительность человеческой жизни – единственное абсолютное ограничение, оставшееся на данный момент, – очень маловероятно, что мы когда-либо доберемся намного дальше»³.

Н.Б. Хорошо, отступим на территорию социальных наук. Вопрос у меня такой: почему современная философия не может дать ясной картины социальной реальности? Вот, например, только что вышла книга известного французского философа Бруно Латура, «Пересборка социального», так там социальный мир описывается даже не в образе ризомы (это хоть и трудно помыслить – какое-то корневище без центрального корня и ясной структуры – но все же возможно), а в образах неопределенности и темной (неизвестной) социальной материи. Как такое можно понять, о каких социальных законах после этого говорить?

В.Р. Но ведь, это не вся философия, а французская – Делез, Фуко и другие. Правда, согласен, в настоящее время очень популярное направление. Сюда же можно отнести и феноменологию, например, Мартин Хайдеггер на французов явно оказал влияние. Соглашусь и с тем, что в современной философии нет ясной однозначной картины социальной реальности, зато Монблан концепций и гипотез. Думаю, это не случайно, учитывая в какое время мы живем.

Н.Б. Вадим Маркович, все кивают на время, разве это что-нибудь объясняет? И чем, скажем, время конца античности так уж отличалось от нашего? Кроме того, как там у поэта: «времена не выбирают, в них живут и умирают».

В.Р. Не скажите, есть время и время. Мы, кстати, как и в первых веках, живем во время перехода от одной цивилизации к другой. При этом, что и составляет одну из проблем, подавляющая часть человечества по-прежнему живет в предыдущей цивилизации, ускоряя ее ход, а новая цивилизация еще даже и не проявилась в своей определенности.

Н.Б. У Вас получается, что мы не можем сказать, какое нас ожидает будущее.

В.Р. Вот-вот будущее! В прошлые века будущее в значительной степени было понято как продукт реализации проектов человека. Время не только вытянулось в стрелу времени (прошлое – настоящее – будущее), где будущее острием прорывало вечность, но и во многом стало ощущаться как результат научно-технического творчества людей. Последний момент является исключительно важным. Успехи естествознания и инженерии (в том числе социальной – тоталитарные институты, идеология, СМИ, пиар) обусловили во второй половине XIX, первой XX столетия убеждение, что будущее понятно и достижимо. Человеку показалось, что оно уже почти поймало эту жар-птицу, что, оседлав будущее, человечество легко въедет в земной рай. Но жар-птица будущего легко вырвалась из рук, вильнула хвостом и куда-то унеслась.

Спрашивается, почему? Не потому ли, что, начиная со второй половины XX столетия, были осознаны границы естествознания и инженерии и лавинообразно стали нарастать негативные последствия научно-технического прогресса. Не потому ли, что проекты все больше расходились с их реализацией (замышлялось и проектировалось одно, а получалось другое, причем социальная и индивидуальная реальности так трансформировались, что человек уже не мог с этим примириться). Не потому ли, что мы, действительно, живем во время перехода, когда по выражению нашего философа-медиевиста Светланы Неретиной «одна реальность уже ушла, а новая еще не опознана».

³ Арендт Х. Покорение космоса и статус человека // Между прошлым и будущим. М., 2014. С. 403.

Современный человек научился так интерпретировать события и затем вменять полученные интерпретации себе и другим, что реальность стала неопределенной и мерцающей, то она выглядит так, то эдак. Очень вероятно, что и дальше мы будем наблюдать победное шествие техники и технологии и связанную с ними глобализацию мира. Но возможно, этот тренд сменится другим. Некоторые вслед за Гегелем думают, что разум и согласие на нашей планете возрастают. Другие, напротив, по Платону пророчат, что нас ожидает борьба всех против всех. Сторонники техногенной цивилизации считают, что человек сможет организовать под себя земную природу. Но «зеленые» и антиглобалисты думают иначе – природа накажет зазнавшегося человека ураганами, цунами, эпидемиями. Как верно заметил Григорий Померанц, хотя «новое время кончилось, и начался поворот неизвестно куда, в эпоху дрейфа, потери и обновления ориентиров», тем не менее, «все попытки увековечить современное состояние мира, нынешний стиль восприятия жизни необоснованны»; «история культуры – это история обуздания новых стихий»⁴. Вопрос, удастся ли обуздать на этот раз?

Н.Б. А нельзя ли конкретнее? Что собственно говоря изменилось или изменяется?

В.Р. Почему же, можно. Чтобы было конкретно, рассмотрю две темы – современные споры о социальной справедливости и концепцию социальных заговоров. Анализ литературы позволяет выделить две противостоящие концепции социальной справедливости. Одну условно можно назвать марксистской, а другую – конформистской. Маркс, следуя за социалистами, утверждает в «Капитале», что в капиталистическом обществе царит социальная несправедливость, поскольку капиталисты крадут у рабочих значительную часть создаваемой ими прибавочной стоимости. Хотя ради справедливости стоит отметить, что начало этого дискурса положил Платон, говоривший в «Законах», что предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Если богатство развратило душу человека роскошью, то бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства. Социальная справедливость восторжествует тогда, утверждает Маркс, когда «экспроприаторов экспроприруют».

Когда жил Маркс! – но созданный им политический дискурс жив и процветает. Вот известный журналист, писатель и комментатор «Эхо Москвы» Юлия Латынина, которую я, кстати, очень уважаю за политическую смелость, мышление и бескомпромиссность. В своих передачах на радиостанции «Эхо Москвы» она постоянно говорит о некомпетентности, корыстности и неэффективности нашей власти и управления. По ее мнению, для восстановления справедливости люди должны выйти на улицу, необходимы радикальное сокращение чиновников и полиции, пересмотр их полномочий, изменение налоговых моделей, перестройка образования, медицинского и пенсионного обеспечения и т.д.?

Н.Б. Я так поняла, это реализация первой концепции социальной справедливости?

В.Р. Да, теперь вторая концепция. В ряде своих публикациях та же Ю. Латынина обсуждает следующую ситуацию: в мире и в том числе в России миллионы людей не работают и живут за счет государства или благотворительных организаций. С точки зрения Ю. Латыниной, это следствие действия либеральной доктрины и кризиса современного государства. В России, показывает она, к этому добавляется страх властной элиты перед народом, распространение насилия как способа решения социальных проблем, крайняя неэффективность государства.

Еще журналистка старается показать, что многие чиновники международных гуманитарных организаций и правозащитники, хотя субъективно считают себя работающими на благо общества и человека, на самом деле служат противоположным целям. Скажем, может ли Палестинская автономия прожить без гуманитарной помощи? Нет. Но эта помощь, утверждает Латынина, позволяет миллионам арабов уже много лет жить и размножаться, не работая. Причем, в такой помощи заинтересованы не только палестинцы, но и сами международные гуманитарные организации, сотрудники которых неплохо зарабатывают. Понимают они это или нет, но объективно чиновники гуманитарных организаций, число которых постоянно растет, поступают эгоистически. Однако на пособия живут, не работая, не только многочисленные беженцы, осевшие

⁴ Померанц Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 298.

на чужих территориях в результате войн. Известно, что пособия составляют значительную долю бюджета и безработных, которых, возможно, в мире даже больше беженцев. С точки зрения Латыниной, такой порядок вещей – явная социальная несправедливость. Но, с точки зрения сторонников конформистской концепции, наоборот, утверждение социальной справедливости. И действительно, разве помощь старикам и детям, безработным и беженцам плохое дело? Разве огромный разрыв между богатством одних и бедностью других нормален и не ведет к конфликтам? Разве либеральные принципы равенства и братства не совпадают с христианскими заповедями? И не потому ли в современном мире все страны фактически движутся к социализму, а справедливое распределение наряду с потреблением становится основным социальным механизмом и институтом?

Н.Б. И как вы разрешаете эту антиномию?

В.Р. Ее должен разрешать не я, а общество. А я в рассмотренной здесь ситуации выбора политологических интерпретаций социальной справедливости вынужден был переосмыслить само это понятие и выработать новое видение реальности. Как можно осмыслить сложившуюся ситуацию? Возможны две разные позиции. Первая, речь идет о вопиющей социальной несправедливости, для которой характерны эгоизм и беззаконие; альтернативная точка зрения – мы наблюдаем мировой тренд развития глобальной цивилизации, у которой есть определенные неприятные издержки. Вторая позиция – складывается новый тип социальности, в рамках которого основные участники социального процесса потеряли ориентиры и понимание того, что происходит, и что они делают. Думаю, что имеет место и то и другое.

Новый эгоизм, конечно, налицо, но он не вечен. История показывает, что эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается именно усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее время эгоизм преодолевается не способом построения либеральных институтов, что было характерно для XVII-XVIII вв., и не путем построения демократических институтов (XIX-XX вв.), а посредством переговоров, расчетов и компромиссов.

Н.Б. Получается, что-то похожее на новый «разумный эгоизм»?

В.Р. Лучше не скажешь. Может быть, наши властные элиты и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов в настоящее время разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил. Существенную роль здесь играют: эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты того, что вы назвали «разумным эгоизмом», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки отдельной личности. Наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее). В результате и устанавливается то, что я называю «ведущим типом социальности».

Для ведущего типа социальности характерны определенные формы осознания действительности, а именно либерально-демократические (право, гуманизм, равенство и т.д.), стремление к социальному миру (как утверждает Латынина, в настоящее время война экономически невыгодна), возможность государства перераспределять доходы (налоги, выплаты, льготы, преференции и пр.), заинтересованность многих социальных субъектов и организаций в подобном распределении (государственные институты, гуманитарные и правозащитные организации и т.п.), вменение общественности нужных ценностей и видения (СМИ, пиар, реклама).

Изменяются и взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций. Яркие примеры: благотворительность, некоммерческие общественные организации (НКО), волонтерское движение, фандрайзинг. Во всех этих случаях функции, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя отдельные личности или сообщества, действующие, исходя из собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований.

Наконец, в настоящее время складываются новые общие условия жизни. Что они собой представляют? Это такие социальные структуры (законы, социальные институты, средства массовой коммуникации, социальные услуги и прочее), которые обеспечивают жизнедеятельность

человека и общества *безотносительно к разнообразию и взаимообусловленности отдельных форм социальной жизни*. Например, в современном обществе власть и обычные граждане (опять же по идее) могут существовать независимо друг от друга. Каждый выполняет свои роли, а связывают их лишь общие условия. А вот когда общие условия жизни не обеспечены или нарушены, как в случае российских реформ, то независимое сосуществование отдельных сообществ и форм социальной жизни становится невозможным.

Н.Б. Чувствую, вы пытаетесь понять, какие условия и факторы определяют становление современной социальной реальности?

В.Р. Вы совершенно правы, еще я бы отметил такой важный момент, как вклад в социальность самих социальных концепций и более широко действий людей. Например, анализ истории построения в нашей стране социализма показывает, что, если концепции социальной несправедливости и определенные способы её преодоления овладевают массами, конечно, не без помощи пропаганды, то может сложиться такая организация социальности, которая рано или поздно разрушает социум и саму жизнь. При этом подобные концепции нельзя считать неестественными, неорганичными. Например, для своего времени и условий российской жизни идеи марксизма были вполне органичны для определенных слоев и популяций (социал-демократов, большевиков, рабочих, маргиналов разного рода).

Эти идеи и сегодня популярны у многих россиян. Борьба большевиков за власть, отсутствие моральных ограничений, повышенная пассионарность и ряд других причин привели к становлению особой организованности социальности – социалистической. Лишь после того, как были осознаны катастрофические последствия такой организации жизни – гибель десятков миллионов в лагерях и во время войны, бедность и скудность жизни остальных, атмосфера всеобщего страха, проигрыш соревнования с капитализмом, распад СССР – идеи социализма и коммунизма потеряли свою привлекательность и силу. И так каждый раз, пока не обнаружатся, не будут осознаны негативные или катастрофические последствия сложившейся социальности.

Подводя итог этой теме, можно сказать, что в настоящее время складывается новая организация социальности, но формы концептуализации старые. Они не позволяют не только осмысленно работать на становление новой социальности, но и анализировать возможные последствия происходящих изменений. К чему, например, может привести перераспределение от работающих к неработающим; чем чревата относительно благополучная жизнь на пособия; где границы социальных компромиссов; на все ли изменения, связанные с процессами глобализации, стоит идти; можно ли жить только на основе прагматических, рациональных соображений без высших идеалов и нравственности? На эти и многие другие вопросы и проблемы, к сожалению, сегодня нет ответов, и они почти не обсуждаются.

Вряд ли стоит заикливаться на проблеме социальной несправедливости. Более важно понять, как устроена социальность, каковы характерные для неё тренды развития, можно ли прогнозировать последствия, проистекающие из становления и функционирования новой социальности. Это есть одно из условий правильной жизни и реалистического социального действия.

Н.Б. Хорошо, но Вы обещали рассмотреть еще один случай – концепцию социальных заговоров. Я, например, ни в какие мировые заговоры конкретных людей, или даже групп, не верю. Здесь что-то другое, какие-то механизмы действуют. Так?

В.Р. Перехожу. Как были устроены власть и управление в XX столетии? Есть идеологические сценарии (например, построения социализма и коммунизма, утверждение, что социалистическое государство самое правильное и справедливое, что революция поставила у власти КПСС и вождей, которые не ошибаются и ведут страну к заданной цели и прочее); построены механизмы реализации этих сценариев или внешнего следования им; в рамках данных сценариев и механизмов действуют властные субъекты (начиная от генерального секретаря партии и директора завода, кончая секретарем партийной ячейки и начальником участка в цехе завода).

Внешне (например, в форме положений об организационной структуре) и сегодня действуют разные субъекты власти и управления. Но, как правило, больше на бумаге, чем в реальности. Мы видим, что наш президент объявляет себя субъектом все новых и новых «управляющих контуров» (один из последних – «председатель Совета по науке и образованию»,

призванного руководить реформой РАН), однако, реально и власть и управление распределены по разным российским ведомствам и институтам. В последних они и функционируют по своим законам. Более того, судя по характеру многих решений, начиная от «реформы» нашей промышленности, кончая вступлением во ВТО, «объемлющим контуром управления» выступают даже не российские структуры и организации, а транснациональные (финансовый мировой бизнес и корпорации). Но кто, спрашивается, принимает данные решения, кто их субъект на самом высоком последнем уровне? Можно ли опознать «паука», который держит нас в своей паутине?

Может быть, Обама, или Джордж Сорос? Нет, скорее бессубъектная структура, «социальная ризома», живущая, не только на людях и формальных субъектах управления, но также на различных международных и национальных институтах и связях. Эта структура и организм (бог знает, как его можно назвать, назовем условно «Финансово-корпоративным солярисом») заинтересованы в исчезновении национальных границ, формировании мирового хозяйства и экономики, свободном передвижении капиталов и других ресурсов, правильном и мирном, с его точки зрения, поведении людей. А поскольку в современном мире миллионы и миллионы людей не в состоянии себя прокормить или жить достойно (беженцы, безработные, старики, дети, просто не работающие и т.д.), и в будущем численность этой категории в связи с развитием технологии и робототехники, вероятно, достигнет двух-трех миллиардов, постольку Финансово-корпоративный солярис готов делиться, отстегивая от своих прибылей значительную долю.

Возможно, заинтересован этот монстр и в том, чтобы мы с вами не понимали, что происходит на самом деле (такими олухами легче управлять), и в том, чтобы верили в мировые заговоры (так легче отводить от себя догадки), и в том, чтобы мы сидели в Интернете день и ночь. Когда мы бежим все быстрее и быстрее, изо всех сил стараемся быть креативными, посылаем вместо себя пустые дубли-отклики, то естественно вписываемся в мировой процесс становления Финансово-корпоративного соляриса, поддерживаем его. Но, конечно, не на стороне хозяев этого процесса, а того антропологического субстрата и массы, которые унавоживают подобное становление. Финансово-корпоративный солярис растет на международной торговле и разделении труда, на экспансии западных технологий и производств, на распределении и потреблении созданной продукции, но не меньше на нашем участии во всем этом. Последнее же предполагает, что включенные в эти процессы индивиды должны действовать как бы автоматически, не размышляя над смыслом, целями и направлением движения, в которое они включены. Поскольку, однако, у людей остается много свободного времени и они склонны все же иногда думать, постольку важно отвлечь их от этого опасного времяпрепровождения. Вот здесь оказываются незаменимыми и Интернет с его развлечениями, и скорость, не позволяющая остановиться и задуматься, и креативность, как эрзац настоящего творчества и мышления.

Н.Б. Я сейчас помогу, сыграю за вашего оппонента, который переведет все ваши разговоры на почву заговора. Что он может заявить? «Какая-то социальная ризома, монстр, а ведь принимают решения конкретные люди, руководящие конкретными организациями и институтами. Например, когда в России началась перестройка, то самые разные западные структуры (военные, дипломаты, главы правительств, финансовые институты, крупные корпорации, общественные организации, даже отдельные предприниматели) действовали вполне согласованно, иначе бы им не удалось в столь короткий срок «поставить нас на колени», превратив в сырьевой и потребительский анклав Запада. Конечно, был заговор и централизованное социальное действие, что бы вы там не говорили по поводу моих вмененностей и страхов. Кто замыслил и руководил этим заговором? Думаю, настоящие хозяева мира – владельцы транснациональных корпораций, финансовые гении, зависящие от них государственные деятели. Где они собирались и как планировали свою работу? Так они вам скажут и покажут! Естественно, все делалось тайно, а в СМИ нам вешали на уши лапшу, для прикрытия». Правильно изобразила расхожее мнение? Что вы на это могли бы возразить?

В.Р. Попробую. Можно предположить, что и в случае российской перестройки и реформ работал следующий механизм. Ключевые западные субъекты (и европейские, и американские, которые уже давно задают тон в мировой хозяйственной и экономической жизни) сумели достаточно быстро договориться по поводу России. Этот «сговор» направлялся не заговором неких таинственных сил, а метанарративами западной культуры, включающими, с одной стороны, либерально-демократические ценности и императивы, с другой – вмененности, сложившиеся в

долгом противостоянии двух лагерей (социалистического и капиталистического). Например, для Запада было очевидно, что Россия представляет собой угрозу западной свободе и существованию. Что для ликвидации этой угрозы необходимо демонтировать советское государство, партию, силовые структуры и промышленность. Что в этом случае откроются огромные возможности для западной экономики (новые источники сырья и рынки сбыта). Что победа в этой борьбе будет означать торжество западной культуры и идеологии. Подобные представления вовсе не нужно было внедрять силой, они были непосредственными убеждениями западного человека. Исходя из них, и договаривались многочисленные субъекты Америки и Европы, осуществляя экспансию в отношении России.

Интересно, что и в России, несмотря на вертикаль власти и традицию иерархического жесткого управления, там, где действуют разные субъекты, имеет место сговор на основе метанарративов. Другое дело, что он часто инициируется сверху властью, но, как правило, изменения разворачиваются и идут совсем не туда, куда власть задумала. За примерами не надо ходить далеко: последняя реформа образования и науки. Власть задумала её, с одной стороны, для получения дополнительных ресурсов (здания, деньги, высвободившиеся места), с другой стороны, в надежде повысить эффективность обеих областей. Но российские чиновники воспользовались этой инициацией для решения своих собственных проблем. На удивление они действуют очень согласованно, как будто имел место не сговор, а настоящий заговор с целью уничтожить российское образование и науку. Требуется провести специальное исследование, чтобы понять на основе каких метанарративов они договариваются между собой и с властями. Но, судя по стилю действий (нарушение законов, игнорирование рисков и последствий от принятых решений), эти метанарративы недалеко ушли от идеологем и представлений большевиков. Безусловно, это не большевики-марксисты, а большевики новой формации, не верящие ни в бога, ни в черта, зато почитающие власть и деньги. Но тех и других роднит неприязнь к культуре и образованным людям, уверенность, что «человек человеку волк» и «война всех против всех» естественное состояние общества, желание любой ценой установить свой социальный порядок, культ силы, свобода от моральных и нравственных угрызений совести, которую они вообще-то и не признают.

Другой пример – всеобщая коррупция, переходящая в инновации и инвестиции. Кажется, что общего между коррупцией, буквально разъедающей государство, и инновациями и тем более инвестициями, направляемыми на развитие новых технологий? Чтобы понять данный тезис, присмотримся к нашей науке, инженерии и производству. Они крайне неэффективны: технологические цепочки разорваны, нет ряда ключевых специалистов и заинтересованности в труде, все больше реальное творчество и даже местами производство замещается имитацией. И самое страшное, что денежные вливания уже ничего не меняют: или деньги успешно распиливаются или просто проедаются. Власть понимает, что, если прекратить денежные вливания, то все просто остановится, а затем лавиной пойдут катастрофы, начиная от технических, кончая социальными бунтами, которые, как известно, на Руси страшные. Под какой же маркой продолжать денежные вливания в науку, инженерию и производство, нельзя же публично признаться, что из страха перед катастрофами? Выход найден: все развиваем, создаем новое, наше знамя – инновации и инвестиции. А, по сути, замаскированная странная коррупция в форме государственной политики. Коррупция, поскольку ученым, инженерам и рабочим дается взятка с той целью, чтобы они продолжали делать то, что они делают, а не начинали думать, протестовали или выходили на улицу.

Н.Г. Когда рисуется такая картина, у отдельного гражданина невольно опускаются руки. Он может спросить, а что я реально могу сделать, если таков социальный тренд?

В.Р. Я не сторонник китайской стратегии «не-действия», я за активное социальное действие. Но реалистическое, учитывающее особенности и тренды нашей современности (социальности). Не имеет смысла идти против социального потока, снесет как цунами. Но ведь можно идти «против ветра», поставив правильно косые паруса. Что это означает конкретно? Не стоит, например, бороться против социальной несправедливости, которую все трактуют по-разному. Надо понять, как устроена социальность, особенности ведущего типа социальности и дальше действовать на их основе. Если, например, в ближайшей перспективе будет возрасти число неработающих или частично работающих людей, то для них должны быть созданы общие условия жизни, в том числе образовательные услуги. Если государство по-прежнему не снимает с себя миссии обеспечивать

стандартную грамотность населения, а также готовить специалистов для основных систем жизнеобеспечения (хотя бы в целях безопасности и профессиональной эффективности), то оно не может собственными руками разрушать институт образования. Если компромисс и договоренность становятся чуть ли основными критериями социального согласия и мира, то в образовании и других гуманитарных областях (например, в СМИ, искусстве), нужно искать и вырабатывать новое понимание нравственности и новые ценности.

Невозможно переделать друг друга, например, перевоспитать нашу властную элиту (точно так же вряд ли она сможет замкнуть наши идеалы и ценности только на потребление и заботу о себе). Но вполне можно и необходимо работать на общие условия жизни, на становление более консолидированного и энергичного российского общества. За приемлемые общие условия нужно бороться, и здесь социальное противостояние и самоопределение вполне оправданы.

Да, мы не можем существенно повлиять на социальность и её тренды, но можем готовить условия для подобных изменений в будущем. Например, в советские времена не все слепо шли за партией. Многие работали на будущее, демонстрируя, в том числе своей жизнью, возможность других социальных и человеческих отношений. Пусть мы не получили, на что рассчитывали, но явно повлияли на основной тренд социальности, характерный для конца прошлого века.

Н.Б. Не слишком ли много вы требуете от человека, живущего в России? И вообще, что ему делать-то сегодня, когда все общество столкнулось с кризисом, аналогов которому мы в истории не находим? Где искать опору? Российское общество расколото и пассивно, зато сильны всякие манипуляторы сознанием людей. Не сложились нормальный рынок, право, парламент и другие либерально-демократические институты, гражданское общество – в зачаточном состоянии. Чиновники и власть всех уровней изобретают схемы, позволяющие извлекать доход (так называемая «административная рента») из своих рабочих мест, должностей и статусов. В обществе эффективны насилие и цинизм. Не продолжаю, все это широко обсуждается в Интернете и в СМИ, в том числе, и на официальных каналах телевидения. Спрашивается, о каком прямом социальном действии можно говорить в такой ситуации? Да и возможно ли оно?

В.Р. Думаю, возможно. Меня нельзя понимать так, что я призываю подчинить свою жизнь только социальным целям. Личность и социум в определенном отношении соизмеримы. Поэтому гармоничная жизнь, на мой взгляд, предполагает баланс нормальной индивидуальной жизни с нашим социальным бытием. При нарушении общих условий жизни и том развитии социальности, которое сегодня имеет место, этот баланс нарушается, и личности приходится выстраивать более сложное поведение.

На мой взгляд, всякое социальное действие конкретно, контекстуально и ситуативно. Поясню на примере своего самоопределения.

Первый момент. Я стараюсь действовать на своем месте, а не решать глобальные общероссийские или мировые проблемы. Мое место – место философа, методолога, культуролога и педагога. Я размышляю, решаю проблемы, пишу статьи и книги, преподаю, обсуждаю современную жизнь со своими друзьями и студентами. Я надеюсь, что моя деятельность и работа делает лучше и эффективнее и меня самого и тех, с кем я общаюсь.

Второй. Думаю, что в настоящее время в России невозможно построить либерально-демократические институты и общество, и потому, что для этого не созрели условия, но также и потому, что, возможно, в России сложатся какие-то другие социальные институты и организмы, отличные от западных (в ходе их проектирования нужно осмыслить и западный и отечественный опыт). Поэтому свою задачу я понимаю, как осмысление и анализ условий, которые необходимо создавать, чтобы Россия продвигалась к лучшей жизни. При этом как философ я обсуждаю и сами критерии и понятия «лучшей жизни», «условий», «ответов на вызовы времени» и пр.

Третий момент. Моя миссия как философа и методолога состоит также в анализе сознания и мифов россиян, в критике этих мифов, в разработке схем, позволяющих указать и ввести новую реальность. Кстати, этим же занимается и многие мои коллеги по философскому цеху. И Вы, кажется, тоже в их числе.

Четвертый. В ситуации снижения культуры, нравственного одичания и агрессии, направленной против «слишком умных и культурных», я стараюсь поддержать всех «своих».

Пятый. Всерьез считаю работу в отношении самого себя (объективный анализ своего поведения, осмысление своих предпочтений и ценностей, противостояние тому в себе, с чем я не могу согласиться, продумывание смысла своей жизни и пути спасения) тем, что работает и на другие мои действия, делает их более эффективными.

Мартин Хайдеггер в статье «Вопрос о технике» писал, что «где опасность, там вырастает и спасительное», что «существо техники таит в себе – чего мы всего меньше ожидали – возможные ростки спасительного», что для спасения нужно «усилием разглядеть существо техники, вместо того, чтобы просто оцепенело глазеть на техническое»⁵. Думаем, что этот совет годится и в нашем случае. Не стоит оцепенело глазеть на состояние российской жизни или рвать на себе волосы. Нужно стараться понять сущность происходящего. И, поняв, правильно действовать. А там, что Бог даст. В истории нет гарантий и царских дорог, но есть поиск нового и труд. Последние же, как говорили классики, создали человека.

Н.Б. Спасибо большое, Вадим Маркович, за откровенный и конструктивный разговор. Мне кажется, Вы недооцениваете свой аналитический, экспертный статус. И еще – моя признательность за то, что Вы завершаете разговор на позитивной ноте. В этом я с Вами совершенно солидарна.

Беседовала профессор Н.Г. Багдасарьян

On the Universe, the Social Rhizome and the Principle of Justice. A Conversation with Professor V. Rozin.

The general crisis of Philosophy and the new challenges encountered by the Philosophy of Technology; the Internet as a social-technological body, and the specificity of the modern eschatological experience against the background of the forecasts of the megaworld evolution proposed by the natural science; transformation of the social reality in the epoch of transition from one civilization to another – exemplified by the current disputes about the social justice and the social conspiracy theories. These and other issues were discussed in the **conversation** of the well-known philosopher, methodologist, cultural studies scholar Vadim Rozin and the Editor-in-Chief of our journal Nadezhda Bagdasarian.

⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.